

NICK CARTER

DETECTIVE LIBRARY

The Only 5 Cent Detective Library Published.

No. 1. PUBLISHED WEEKLY. NEW YORK. © 1904 N. S. P. & G. Co. 5 Cents.

Nick Carter, Detective.

By A Celebrated Author.

NEW YORK: PUBLISHED BY N. S. P. & G. CO., 150 N. W. COR. BROADWAY.

Ник Картер

Двойное убийство

Серия «Ник Картер»

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158005

Ник Картер. Т. 1: Триника; Новосибирск; 1994

ISBN 5-87729-001-0

Аннотация

Ник Картер (настоящее имя – Джон Р. Корнелл) – создатель популярнейшего одноименного героя Ника Картера, который практически не знаком российскому читателю.

Ник, потрясающий по активности и изобретательности герой, стал любимцем миллионов читателей не только в США, но и во всем мире.

Многотиражные тиражи и более 1200 созданных, и победно шествующих по западным страницам комиксов, лучшее тому подтверждение.

Если вы любите динамичный, приключенческий детективный жанр – Ник Картер для вас.

Ник Картер

Двойное убийство

* * *

Утром 21 октября 19.. года, на рассвете, по аристократической Медисон-авеню, спешил полисмен.

Погруженный в раздумье, он некоторое время шел наклонив голову, пока внезапно не остановился. Дверь одного из лучших домов элегантной улицы стояла распахнутой настежь. Было еще слишком рано, чтобы дверь могла раскрыть прислуга, выметающая лестницу. Кроме того, около дома не было видно ни одного человека и неудивительно поэтому, что полисмен остановился в недоумении. Он хотел убедиться, что открыла дверь, действительно, прислуга; кругом было все, по-прежнему, тихо.

Дом, о котором идет речь, стоял, как уже сказано, на лучшей улице Нью-Йорка, недалеко от Медисон-Сквера и по своему виду выделялся даже из роскошных домов этой улицы. Полисмен частенько во время ночных дежурств грезил о том, как хорошо живется, должно быть, обитателям этого палаццо.

Он был чрезвычайно поражен, увидев подъезд открытым, так как не мог припомнить, чтобы видел это раньше; напро-

тив, дом стоял закрытым днем и ночью и казался необитаемым. Никто никогда не входил в этот дом и никто не выходил из него. Полисмен припомнил и то, что окна здания постоянно были завешаны тяжелыми занавесами. Только иногда случалось видеть на лестнице, ведущей к подъезду, мясника, булочника или зеленщика, но и с ними прислуга рассчитывалась, не впуская, даже в прихожую.

Если бы не эти торговцы, то можно было подумать, что дом давным-давно покинут жильцами.

Любопытство полисмена было напряжено. Он хотел посмотреть, не появится ли кто-нибудь закрыть дверь: сама собой она открыться не могла, значит, в доме были люди. Подозрение, что в доме не все благополучно, не пришло даже в голову полисмену.

Но, когда в течение четверти часа на пороге подъезда никто не появился, полисменом овладело беспокойство; он почувствовал, что что-то не ладно и захотел узнать в чем дело.

Быстро решившись, он вошел в подъезд и очутился в громадном сводчатом вестибюле.

Казалось, все было в порядке. Однако, могильная тишина, царившая в доме, невольно наводила на мысль о какой-то катастрофе и от этой мысли полисмен не мог освободиться, несмотря ни на какие доводы рассудка.

– Эй, есть тут кто-нибудь? – громко закричал он.

Ответа не последовало. Минута проходила за минутой. Полисмен несколько раз повторил свой оклик и затем, пол-

ный страшных подозрений, выскочил снова за дверь на улицу и нажал кнопку электрического звонка.

Раздался оглушительный звонок, похожий на дребезжание большого колокола, звук, способный разбудить самого завязатого сонливца, но в страшном доме этот гул не произвел никакого впечатления.

Тогда полисмен решил осмотреть дом, насколько это было возможно.

Перед тем, как снова подняться по лестнице, бравый полисмен обдумывал, что ему делать: попросить ли подкрепления, отправившись для этого в ближайшее полицейское управление, или осмотреть вначале самому и затем уже, если это окажется нужным, обратиться к помощи других.

Последнее казалось ему более правильным; он направился в вестибюль и поднялся по лестнице на первый этаж.

Прямо перед ним была портьера, широкими складками падавшая с потолка на пол. Полисмен отдернул портьеру и увидел за нею дверь.

Несмотря на то, что отважный полицейский далеко не обладал способностями сыщика, но и ему бросились в глаза стоявшие посреди комнаты три стула, причем взаимное положение их было таково, каким оно бывает, когда сидящие на стульях люди ведут между собой оживленный разговор.

Не менее бившим в глаза, являлось и то обстоятельство, что, несмотря на ясное утро, в комнате горело электричество. Над тремя стульями свешивалась роскошная люстра, а

над письменным столом, стоявшим в стороне, протягивало свою бронзовую лапу изящное бра.

На столе лежала недокуренная сигара, валялась бумага, вставочки и карандаши.

Кресло, стоявшее перед столом, было отодвинуто в сторону.

Полисмен сообразил, что сидевший в кресле, очевидно, быстро вскочил и ногою отбросил его в сторону.

Блюстителю порядка не решился идти дальше; он перешагнул через порог и остановился, окидывая глазами все углы комнаты. Снова прокричал он несколько раз и снова не получил никакого ответа.

Тогда он направился через комнату в противоположную дверь. Она вела в громадное помещение, занимавшее всю ширину фасада. Одного взгляда было достаточно, чтобы определить, что это библиотека.

Все стены громадной комнаты были заставлены шкафами, битком набитыми книгами. Обстановку дополняло несколько стульев, кресло-качалка и письменный стол, заваленный целым ворохом газет и брошюр.

Ближе к двери с потолка спускалась электрическая лампочка на шнуре, а кресло-качалка было подвинуто таким образом, чтобы свет лампочки падал на книгу, которую мог держать человек, сидевший в нем. Лампочка еще горела, а на сиденье кресла валялась книга, корешком кверху. Очевидно, кто-то читал ее, затем был прерван в своем занятии, но на-

меревался скоро возобновить его. Все это полисмен тотчас же заметил.

Он не имел ни малейшего намерения сделаться сыщиком, раскрывать преступления и т. д. Единственное, что побудило его начать осмотр дома, было желание узнать причину, по которой дверь подъезда стояла распахнутой.

Но гробовая тишина обеспокоила его. Как в только что оставленной комнате, так и в библиотеке полисмен крикнул несколько раз во всю мощь своих легких, но на его зов, по-прежнему, никто не отозвался. Что он должен был делать? Продолжать ли осмотр первого этажа, или подняться выше?

После короткого раздумья, полисмен решил подняться на второй этаж.

Сам не отдавая себе отчета, бравый полицейский заинтересовался и потому, поднявшись до следующей площадки, очень внимательно осмотрел каждую из трех дверей, представившихся его глазам.

Одна из них, как это было видно по толстым матовым стеклам, вела в ванную комнату. Широкий светлый коридор кончался четвертой дверью, за которой находилась, по сообщению полисмена, комната, равная по величине библиотеке.

Он постучал в каждую из дверей в отдельности и ни откуда не получил ответа. Тогда полисмен попробовал открыть их, но они оказались запертыми изнутри.

– Что же теперь делать? – пробормотал полисмен. – Взло-

мать одну из них? Но, ведь, на это я, собственно говоря, не имею никакого права. Попробую постучать еще в эту дверь, рядом с ванной.

Быстрыми шагами подошел он к маленькой дверке, очень похожей на двери запасных выходов в театрах. Как ни тряс он ручку, как ни колотил кулаком по лакированной доске, все было напрасно.

Полисмен в раздумье покачал головой.

– Прошу покорно, – развел он руками, – дело, как оказывается, не совсем просто. Во всяком случае, для полицейского, всего два года находящегося на службе, оно немножко трудновато. Я с удовольствием бы сделал все, что нужно, но не знаю, что, именно, нужно сделать. Ну, попытаюсь еще проникнуть в ванную комнату и, если мне это не удастся, я звоню по телефону, который видел в библиотеке, и вызываю полицейское управление. Пусть они там решают как и что, а с меня довольно.

Он постучал пальцем в дверь, а затем нажал ручку.

Наконец-то. Дверь оказалась открытой и полисмен вошел в комнату.

В следующий же момент он пронзительно вскрикнул и отшатнулся.

Роскошно устроенная ванная комната походила на бойню. На стенах, потолке, на полу виднелась кровь; ею были пропитаны подушки кушетки, покрыта chaise longue, портьеры на дверях... сама вода в ванне оказалась темно-красного цвета,

так что полисмен с трудом различил на дне мраморного бассейна труп человека.

Полицейский был близок к обмороку. Зрелище, представившееся его глазам, было слишком отвратительно. Он вскрикнул еще раз, выскочил из комнаты, словно преследуемый фуриями, промчался по коридору, кубарем скатился с лестницы и не прекратил своего стремительного бега даже, когда очутился на улице.

* * *

Пробежав две или три улицы, запыхавшийся полисмен почти упал в объятия какого-то молодого человека.

– Легче!.. – вскричал тот, удерживая полисмена, – что вы, с виселицы сорвались! Прете прямо на живого человека!..

– Уф, – тяжело вздохнул тот, бессмысленно глядя на говорившего...

– Мак-Гинти!.. – узнал, наконец, юноша полисмена. – Что с вами такое стряслось? – спросил он.

Полисмен теперь пришел в себя.

– Ах, это вы, мистер Патси... – слабо улыбнулся он.

Действительно, это был вечно веселый помощник знаменитого сыщика Ника Картера.

– Собственной персоной, – отозвался Патси.

– Сам Бог послал вас мне навстречу!..

– Откуда вы неслись, ничего не видя, ничего не понимая,

друг мой?..

– Ах, мистер Патси, если бы вы видели то, что я... не знаю, чтобы с вами случилось... – отозвался Мак-Гинти.

– Да что такое?..

– Там, на Медисон-авеню, в роскошном доме, совершено страшное преступление. У меня волосы встали дыбом, когда я вошел туда... Кровь, кровь, всюду кровь, целое море крови!..

– Кто же убит?.. – спросил Патси.

– Мужчина... Он лежит в ванне, изуродованный... Я, конечно, ни до чего не дотронулся... Может быть, там есть и еще убитые – не знаю...

– Ну, у страха глаза велики... – усмехнулся Патси. – Чем же я могу быть вам полезен?..

– Я прямо не могу дальше идти. Сделайте одолжение, позвоните в полицейское управление. Я сейчас займу пост у подъезда и буду ждать прибытия следователя. Вы исполните мою просьбу?

– Конечно, но не забудьте, что до прибытия властей вы не должны никого впускать в дом. Как вы думаете, сменивший вас полисмен близко от этого дома?

– О нет, – успокоил Мак-Гинти. – Будьте уверены, я никого не впущу.

Из ближайшего магазина Патси позвонил, но не в полицейское управление, а на квартиру своего начальника, которому в немногих словах объяснил происшедшее.

Как раз ко времени получения телефонного известия, у Ника Картера сидел его друг и приятель, полицейский инспектор Мак-Глусски, зашедший к сыщику по какому-то делу.

– Возвращайся к Мак-Гинти, Патси, – приказал Ник, – и жди нас. Мы сейчас придем. Нам необходимо только сообщить о случае в округ, к которому принадлежит Медисон-авеню.

– Опять новое зверство!.. – обратился Ник Картер к своему другу. – Патси сообщает, что лицо трупа совершенно изуродовано...

Полицейский инспектор пожал плечами.

– Преступник, вероятно, воображал, что обезобразив свою жертву, скрыл концы в воду... – сказал он.

– О Джордж, – улыбнулся сыщик, – ты, совершенно неожиданно для самого себя, скаламбурил довольно удачно...

– Ошибаешься, голубчик, мне теперь не до каламбуров. Дело слишком серьезно... – возразил Мак-Глусски, идя к телефону.

– И все-таки я прав... Изуродованный труп, действительно лежит в воде, на дне бассейна...

– Черт знает что такое!.. – возмутился полицейский инспектор. – Господа преступники стараются перещеголять друг друга в измышлениях всевозможных мерзостей... Вот проклятая порода.

– Не брани их, – усмехнулся Ник. – Не будь подобных субъектов, мы с тобой должны бы были положить зубы на полку, а теперь... Ты, кажется, собирался говорить по телефону?.. Поторапливайся.

– Сейчас, сейчас... – отозвался Мак-Глусски.

– Надеюсь, мы выйдем вместе? – спросил сыщик.

– Разумеется...

– Ну, пока ты будешь говорить, я успею переодеться и отдам кое-какие приказания... Да, вот что, – остановился Ник у двери, – пожалуйста, не посвящай пока управление во все детали дела, в свое время мы сами сделаем это...

– Будь спокоен, – ответил Мак-Глусски, беря трубку.

Вслед за этим, полицейский инспектор отдал приказание, чтобы к дому, в котором было открыто убийство, откомандировали человек шесть полисменов. Они должны были следить за тем, чтобы до прихода властей никто не входил в дом и не покидал его.

Шесть полисменов прибыли к месту назначения в одно время с Мак-Глусски и Ником Картером.

* * *

Таким образом в паллацо, из которого, незадолго до того, выскочил Мак-Гинти, первыми появились два лучших криминалиста Америки.

– Джордж, – обратился сыщик к своему другу, – отдай

приказ, чтобы никто не входил в здание, пока мы не закончим нашего расследования. Между прочим, ты знаешь, кто жил в этом доме?

– Вот уж нет, – развел руками Мак-Глусски. – Эта часть города является самой фешенебельной во всем Нью-Йорке и не имеет к нам, полицейским, никакого отношения. Однако, постой. Да, да, теперь припоминаю; здесь жила Адель Корацини. Я когда-то прочел ее имя и адрес в ежемесячной ведомости и тотчас же забыл.

Приняв рапорт от Мак-Гинти, инспектор, вслед за своим другом, вошел в дом. Оправившийся от испуга полисмен очень толково рассказал, каким образом открыл преступление, так что его похвалил даже взыскательный Ник Картер. Последнее заставило Мак-Гинти покраснеть от удовольствия.

Бегло осмотрев комнаты первого этажа, друзья направились в ванную. Описание Мак-Гинти оказалось не преувеличенным. Вся комната оказалась настолько окровавленной, что можно было подумать, будто преступники специально заботились, чтобы произвести более отвратительное впечатление.

Остановившись на пороге, Картер некоторое время оглядывал комнату, а затем бросил многозначительный взгляд на Мак-Глусски.

Ответный взгляд инспектора показал сыщику, что его друг составил себе мнение, одинаковое с мнением самого

Картера.

Затем Ник быстро подошел к ванне, опустил руку в окровавленную воду и приподнял голову трупа. Если он надеялся увидеть лицо покойника, то жестоко ошибся.

Голова несчастного представляла сплошную рану: нос, уши, глаза, подбородок, все было превращено в какой-то бесформенный окровавленный ком.

Картер снова опустил труп и подошел к Мак-Глусски.

– Н-да, – произнес он задумчиво, – определить личность убитого будет очень нелегко. Я твердо убежден, что в альбоме преступников красуется физиономия, находящегося в ванне человека, но отыскать его теперь, после того, как на лице нельзя разобрать ни одной черточки, представляется делом нелегким.

Теперь сыщик заметил, что вся мебель в ванной была буквально пропитана кровью. На небольшом туалетном столике лежал тонкий батистовый носовой платок художественной работы с кружевами, еще сырой от нее.

Лужи крови на стенах и мраморных плитах пола, уже подсохли и в некоторых местах поэтому легко можно было отличить отпечаток женской ноги.

Еще раз обменявшись взглядом с Мак-Глусски, Картер вышел из комнаты и тщательно запер за собой дверь.

– Мы видели пока довольно, – проговорил сыщик. – Как ты думаешь, какую дверь взламывать?

– Думаю ближайшую, – ответил инспектор. – Ее тебе от-

крыть нетрудно?

– Пустяки, – улыбнулся Картер.

Он вынул из кармана свою специальную отмычку и, так как изнутри, в замочной скважине не торчало ключа, открыл дверь через 2 – 3 минуты.

Комната, в которую вошли сыщики, была пуста и нигде не виднелось второго трупа, найти который предполагал Ник.

Помещение, роскошно меблированное, судя по большому столу, буфету и резным дубовым стульям, было столовой.

В комнате не была сдвинута с места ни одна вещь, так что вопрос об убийстве с целью грабежа отпадал сам собою.

– Здесь, кажется, все в порядке, – обратился Картер к инспектору. – Потом мы сюда еще вернемся.

– Конечно, – последовал ответ. – Я склонен думать, что в передних комнатах мы скорее натолкнемся на что-нибудь интересное.

– Что же именно ты предполагаешь увидеть?

– Адель Корацони или, вернее говоря, то, что было ею, – заметил Мак-Глусски.

Сыщик кивнул головой в знак согласия, после чего оба вошли в смежную комнату. Очевидно и в ней кто-то жил, но обитатель этой комнаты был как бы отделен от остальных жильцов квартиры.

Если такое предположение было правильно, то узенькая дверь, находившаяся в переднем углу, могла вести только в спальню.

В комнате, где находились теперь криминалисты, царил, если не образцовый порядок, то, во всяком случае, не было и разгрома. Она выглядела как помещение, в котором долго, безвыходно сидел человек.

Перед одним из окон помещалось кресло-качалка, около которого валялась небрежно брошенная на пол вчерашняя газета. У другого окна находился мягкий стул, а на столике, придвинутом к самому стулу, стоял ящик с египетскими сигаретками, серебряная спичечница и пепельница, до краев наполненная окурками.

Между стулом и окном, опять-таки на полу, валялся последний номер иллюстрированного журнала и книга.

Из всего этого следовало, что обитатель комнаты не отличался любовью к порядку, не знал, как убить время и бездельничал. Все это вошедшие в комнату, запечатлели в своей памяти и поспешили к спальне, в которой ожидали встретить нечто не совсем обыкновенное.

Картер открыл дверь и остановился на пороге.

В комнате горело электричество и ярко освещало мельчайшие детали обстановки. Рядом с Картером остановился и Мак-Глусски, и некоторое время мужчин можно было принять за каменные изваяния.

Наконец Мак-Глусски повернулся к своему другу.

– Можно, подумать, что она спит, – произнес он.

При этом он указал на один угол комнаты, где в высоком кресле покоилась фигура очаровательно красивой женщины.

Лицо, окруженное волной черных волос, получило уже тот восковой оттенок, который наблюдается у людей, через несколько часов после смерти.

– Это Адель Корацини, – прошептал Картер. – Она мертва. Однако, пока еще не двигайся с места; необходимо запомнить мельчайшие детали. Молодая женщина одета в платье, обличавшее, что она или намеревалась остаться дома, или, если и думала принять, то только хорошо знакомого человека. Последнее предположение кажется мне более подходящим, так как прическа сделана очень тщательно, а цвет и покрой платья рассчитан, чтобы оттенить редкую красоту.

Ни по положению фигуры, ни по чертам лица покойницы, нельзя было заключить, что она умерла насильственной смертью.

В комнате не оказалось ни малейшего следа пребывания постороннего человека, а сама хозяйка как будто присела отдохнуть и неожиданно перешла в вечность.

На ее коленях лежала открытая книга, руки покоились на одной из страниц, как это бывает с человеком, который желает возобновить прерванное чтение.

Посторонний наблюдатель был бы сильно поражен той общностью, которую проявили оба криминалиста во время исследования. Это происходило оттого, что метод их был совершенно одинаков и им не нужно было прибегать к длинным разговорам, чтобы понять друг друга.

Простояв около четверти часа на пороге, они вошли в са-

му комнату и приступили к делу. Уверенность, с которой они проходили мимо одного предмета, не обращая на него внимания и подробно осматривая другой, была поистине удивительна. Казалось, каждый из них знал уже все обстоятельства дела, и кратчайшим путем, безошибочно шел к цели.

Картер, прежде всего, подошел к труп убитой. Он ясно видел, что в том положении, в каком она находилась, с нею не могли покончить.

Для Картера было ясно, что несчастную женщину посадили на место уже после смерти и он заключил это, что для убийцы представляло большой интерес произвести впечатление, будто смерть наступила мгновенно. Может быть, он желал даже симулировать самоубийство.

Наклонившись над трупом, Картер увидел небольшую баночку, какие в аптеках употребляются для отпуска пилюль, зажатую в точенной руке покойницы. Баночка оказалась пуста и только на дне можно было, хотя и с большим трудом, заметить зеленоватый налет.

На шее несчастной виднелось маленькое пятнышко, такого же зеленовато-бурого цвета. Хотя пятно было не более булавочной головки, острые глаза сыщика все же заметили его и, вместе с тем и несколько таких же пятнышек на платке убитой.

Не подлежало сомнению, что пятнышки эти являлись следами той самой жидкости, которая заключалась в баночке.

Правая рука Корацони покоилась на ручке кресла, ноги,

обутые в маленькие, вышитые шелками, туфельки, непри-
нужденно упирались в бархатную подушку, а голова откинута на бок, как бывает во время сна.

– Так, – протянул сыщик, – кто бы ни был убийца, должен признаться, он великий мастер своего дела. Как ты думаешь, Джордж?

Полицейский инспектор ничего не ответил. Он пожал плечами и отошел в сторону, словно совершенно не интересуясь расследованиями своего друга.

На губах сыщика промелькнула легкая улыбка, затем он схватил руку, в которой была зажата баночка. Пощупав и правую руку, лежавшую на ручке кресла, он привел их в прежнее положение и несколько раз провел по белоснежному лбу красавицы, причем убедился, что кожа уже потеряла свою эластичность.

Вынув из кармана увеличительное стекло, с которым никогда не расставался, Картер осмотрел пузырьки, пятна и руки Корацони, стараясь при этом не только не изменить положение трупа, но даже складки платья.

Пока Ник осматривал труп, инспектор исследовал другую часть комнаты.

Картер снова отошел к порогу двери, но шел при этом задом и на цыпочках. Опустившись на колени, он впился взглядом в роскошный персидский ковер, лежавший на полу. Затем, не поднимаясь, пополз вокруг комнаты, пока не дошел до того места, где обои несколько выгорели, благода-

ря падавшим на них лучам солнца.

Все время Картер не выпускал лупы из рук, разглядывая каждый сантиметр ковра, как бы желая найти чьи-то следы. У трупa стоял теперь уже инспектор.

Обойдя на коленях кругом всю комнату, Ник, чтобы не мешать своему другу, вышел в смежную комнату, которую точно также подверг самому тщательному осмотру. Он то склонялся над ковром, то поднимал взор к потолку, то подходил к камину.

Перейдя к подоконнику того окна, у которого валялась на полу книга и журнал, сыщик увидел, что на подоконнике кто-то сидел. Этот "кто-то" был несомненно тот, который провел с Корацони ее последние часы.

Когда инспектор покинул спальню, Картер был уже в комнатах первого этажа.

И здесь, как и наверху, Ник осмотрел решительно все. Оставалось удивляться тому адскому терпению, которое проявлял при этом сыщик: он либо ползал на коленях, либо полз лежа на животе, ходил, исключительно на цыпочках, а увеличительного стекла не выпускал из рук ни на минуту.

Посторонний зритель, несомненно, покачал бы головою, наблюдая манипуляции Картера.

На пороге библиотеки Ник столкнулся с инспектором. Оба взглянули друг на друга, улыбнулись, но не сказали ни слова.

Покончив с библиотекой, Картер "обревизовал", как он

выражался, все четыре этажа дома, не забыв заглянуть даже на чердак.

Время от времени сыщик сталкивался с Мак-Глуски и каждый раз друзья ограничивались многозначительной улыбкой, не произнося ни звука.

Наконец осмотр дома был окончен; Картер и Мак-Глуски встретились снова в библиотеке.

– Готов, Ник? – осведомился инспектор.

– Да. А ты?

– Тоже готов.

– Как ты думаешь, можно позвать coronera? Телефонировать ему?

– Думаю, что можно. Телефонируй, – с загадочной улыбкой согласился Мак-Глуски.

Несмотря на то, что телефон стоял тут же, на столе, Картер не тронулся с места.

– Я думаю послать Патси, – многозначительно проговорил он.

Мак-Глуски кивнул головой в знак согласия.

Дело в том, что как тот, так и другой прекрасно видели, что телефон испорчен, но не хотели объявлять этого, желая испытать друг друга. Лукавая усмешка, мелькавшая у каждого из них на губах, выдала тайну.

Сыщик отошел в угол комнаты, нагнулся и поднял с пола какой-то предмет.

– Видел ты эту штучку? – спросил он, показывая выло-

манную из телефона пластинку слуховой трубки.

– Нет, – ответил Мак-Глусски, – зато я нашел другое.

С этими словами, он поднял с другого конца комнаты исковерканную диафрагму.

– Вот, что нашел я, – заявил он, – но не говорил об этом, желая испытать тебя.

– Так, так, – кивнул головою Ник. – Я тоже хотел провести тебя, но, кажется, эти попытки – напрасный труд... Да?

– Вполне согласен с тобой. Скажи мне только, чего хотел достичь этот субъект, ломая телефон?

– Не знаю, по крайней мере, пока, – последовал ответ.

– Я тоже не знаю, – развел руками инспектор. – Кажется, работа предстоит нелегкая и, кажется, что из нее ничего не выйдет.

– Без достаточно веской причины, вряд ли бы стали ломать аппарат, – высказал свои соображения сыщик.

– Это так, Ник. Но, согласись сам – от этого нам немногим легче.

– Пока, да, но я уверен, что мы раскроем тайну.

– "С надеждой, правда, жить светлей"... – продекламировал Мак-Глусски.

– "Но веры нет в душе моей"... – докончил Картер. – Это известно мне уже давно.

– "Мне сладость веры не дана"... – не унимался инспектор.

– "Надежда? Призрачна она"... – воодушевлялся сы-

щик. – Так-то так, дружище, но ты забыл окончание стихотворения:

"Без веры жить нам тяжело:

Сильней гнетет и давит зло

И лишь надежда, дар богов.

Освобождает от оков!"...

– Однако, довольно. К делу. Я сейчас посылаю Патси.

– Ты побудешь здесь, до прихода коронера? – осведомился Мак-Глусски. – Я с удовольствием остался бы, но не могу: должен отправляться в управление. Впрочем, все, что нужно, мы осмотрели.

– Да, и все-таки неизвестно, что может выясниться при осмотре трупов.

– Весьма возможно, – согласился Джордж. – Знаешь что, Ник: после посещения дома коронером, приходи ко мне; мы подробно поговорим о добытых нами результатах.

– Непременно приду.

– Тогда, до свидания, – откланялся Мак-Глусски. – Жду тебя. Приходи скорее.

Однако сыщику пришлось увидеть своего друга не так скоро, как он ожидал: обстоятельства сложились иначе.

Мак-Глусски был буквально завален работой, а коронер, вместе с Картером, нашли столько интересных и нужных мелочей, что следователь пришел в восторг от предстоящего ему торжества, в наступлении которого он не сомневался, зная, что бок о бок с ним работает сам знаменитый Ник Кар-

тер.

Было уже около шести часов вечера, когда трупы убитых вынесли из дома на Медисон-авеню, а само здание поручили охране нескольких полисменов.

Только в девять часов сыщик вместе с коронером, появились в кабинете инспектора полиции и заняли места около письменного стола...

– Я думаю, сэр, – обратился Мак-Глусски к следователю, – что мой друг рассказал вам, что мы еще до вас осмотрели место преступления... Мы не известили вас тотчас же и...

– Я понимаю, – кивнул головою коронер.

– Мы с Ником, – продолжал инспектор, – более или менее опытни в таких делах, а потому и полагали, что своим осмотром поможем вам напасть на след преступников. Само собою понятно, что ни у одного из нас не было ни малейшего намерения отнимать у вас славы открытия следов или, тем более, ронять ваш престиж. Нет, мы просто хотели прийти вам на помощь.

– Полноте, полноте, – замахал руками коронер. – Я прекрасно знаю все и от всей души благодарен вам за помощь.

– Дальше, – пояснил Мак-Глусски, – Ник сказал вам, вероятно, и о том, что мы ничего не изменили ни в обстановке комнаты, ни в положении трупов.

– Это и без того было видно, – слышался ответ.

– Прекрасно, – хлопнул инспектор ладонью по кипе бумаг, лежавших на столе. – Вообразите себе, что вы пригласили

нас для допроса в качестве свидетелей и проверяйте каждое наше показание возможно тщательнее, чтобы безошибочно взвесить его значение. Когда затем дело дойдет до суда, вам достаточно будет подробно передать все существенное из нашей сегодняшней беседы, чтобы дать верную картину происшедшего в домена Мэдисон-авеню.

– Вы согласны? – спросил сыщик, подождав, некоторое время ответа коронера.

– Я считаю себя вашим крупным должником, господа, – серьезно проговорил следователь. – С помощью таких двух знатоков дела, как вы, мистер Картер и ваш друг, мистер Мак-Глусски, я, конечно, сумею проникнуть в тайну трагедии.

– Ну, это еще неизвестно, – недоверчиво покачал головой Мак-Глусски. – Я, например, про себя могу сказать: "ничего в волнах не видно" ...

– Пожалуй, я присоединяюсь к тебе, – заметил Ник.

– Без сомнения, вы уже переговорили друг с другом о деле и составили себе некоторую картину, – догадался коронер.

– Наоборот. Мы не перемолвились ни единым словом.

– Как?! – изумился следователь. – Но, ведь, это так естественно: товарищи по профессии всегда обмениваются мнениями на самом месте исследования. Это, наконец, выгоднее.

– Я с этим не согласен! – энергично потрянул головой сыщик. – У каждого свои методы и важно, чтобы каждый соста-

вил себе мнение независимо от другого. Я ничего не знаю о результатах, добытых Джорджем, а он о моих... О его взглядах на дело мне известно столько же, сколько и вам.

– Это, однако, интересно, – протянул коронер.

– Мы часто работаем вместе и всегда поступаем так. Смею вас уверить, что таким образом мы добивались наилучших результатов. Да, по-моему, иначе работать и невозможно.

– Это почему?! – воскликнул следователь.

– Очень просто, – спокойно произнес Ник. – При выяснении тех или иных обстоятельств дела, каждый старается доказать справедливость своей точки зрения... Получается возможность сравнивать, исключать, добавлять, исправлять и т. д. В результате – истина или, по крайней мере, очень близкое приближение к ней... Я думаю, ты, Джордж, готов и на этот раз вести беседу таким же образом?

– Не совсем, – послышался ответ. – На этот раз очень хорошо было, если бы наш друг-коронер взял на себя труд допрашивать нас, как допрашивают обыкновенно свидетелей...

– Согласен, – заявил Картер.

– А вы? – обратился Мак-Глусски к коронеру.

– Весьма охотно.

– Значит, я должен вначале поведать вам все, что имеется у меня в управлении по этому делу. Сейчас я изложу вам сведения из "анналов".

– Что?! Из "анналов?" – переспросил следователь. – Это

что еще за пережиток?

– Нет, это не римские анналы, – засмеялся Мак-Глусски. – Анналами я называю особые списки, которые ведутся у меня в управлении о каждом лице, о котором можно предполагать, что оно, так или иначе, но столкнется с полицией: в качестве ли преступника, или его жертвы – это для нас все равно. О таком лице собираются всевозможные справки и полученные таким путем сведения заносятся в особый "личный список"... Совокупность этих листков я и прозвал анналами.

– Ага, – проговорил коронер. – И эти анналы...

– Вот они, – открыл инспектор шкаф, все полки которого были заставлены книгами, из которых каждая была гораздо толще, чем гроссбух любого банка. – Здесь все книги по алфавиту... Листки со сведениями наклеиваются на чистые страницы и для каждого, занесенного в книгу лица, отводится несколько таких страниц, чтобы иметь возможность пополнять сведения.

– Значит, – поморщился следователь, – мои "анналы" наверное у вас есть, так как я очень часто имею дело с полицией?

– Само собою разумеется, – засмеялся Мак-Глусски, – и, уверяю вас, вы очень удивились бы, узнав, что нам известно очень многое из вашей жизни, неизвестное даже вашим лучшим друзьям. Однако, это все между прочим. Нас интересует в настоящее время Адель Корацони.

– А у вас есть ее "личный листок"?

– О, да. У нее занято даже три страницы. Слушайте.

Проговорив эти слова, инспектор взял одну из книг, некоторое время перелистывал ее и, наконец, заложив пальцем одно место, как-то странно взглянул на Картера...

– Вы готовы слушать? – спросил он.

– Да, да. Пожалуйста. Я весь внимание.

– "Адель Корацони" ... – начал чтение Мак-Глусски, – "родилась в 1881 году, в Испании, в Мадриде... Дочь тореадора, известного под именем Эль Кузилло аль Корацони. Этот Кузилло убит быком во время представления в Севилье. Дочери было в то время восемь лет... К числу наиболее любимых публикой фокусов Карацони принадлежал следующий: после того, как с арены удалялись пикадоры и бандерильосы, он появлялся в качестве матадора и прима-эспады с дочерью на руках. Малютку он сажал на левую руку, в которой держал и красное сукно, которым раздражал животное... Бесстрашие девочки, происходившее, может быть, и оттого, что она не понимала всей силы грозившей ей опасности, всегда приводило публику в неистовый восторг. Этот безумный фокус и был причиной гибели матадора, так как он, промахнувшись, заслонил собой свою дочь и был подброшен разъяренным животным. После смерти Корацони, девочку принял к себе один из его друзей, по профессии также матадор... Когда выступление матадора с девочкой на арене цирка было запрещено, принявший сироту совершенно перестал ею интересоваться и девочка на некоторое время бесследно исчез-

ла. Только через семнадцать лет она вновь появилась на горизонте, но уже в качестве жены какого-то парижского актера. Красавица-жена служила приманкой для простаков, которых обирал ее муж и надо полагать, что ее деятельность в этом направлении была очень плодотворна, так как актер, известный под фамилией Аттила ле-Февр, очевидно, вымышленной, быстро разбогател и переселился в дивный замок, где и жил, окруженный роскошью... В октябре 1899 года ле-Февр был найден в постели мертвым, с кинжалом в груди. Вдову актера арестовали, но ей удалось блестящим образом доказать свое *alibi* и она была отпущена. Полиция, все-таки, убеждена, что она, по меньшей мере, сообщница убийцы, а потому и прислала в Нью-Йорк выдержки из судебных актов. Два года назад она появилась здесь и с тех пор безвыездно живет в купленном ею лучшем доме из всех, помещающихся на Медисон-Авеню".

– Значит, она была очень богата? – вставил коронер.

– Да. По наследству ей досталось все состояние мужа, около... – Мак-Глусски заглянул в книгу и добавил, – около шести миллионов франков, то есть около миллиона долларов.

С этими словами полицейский инспектор захлопнул книгу и продолжал, уже от себя:

– Затем в моих анналах идут мелкие, не могущие нас интересовать сведения... Здесь мы найдем маршруты поездок, знакомства и т. д. За все время своего пребывания в Нью-Йорке, она ничего не сделала такого, что могло набросить

на нее тень. Она жила, как все богатые женщины, могущие свободно распоряжаться собой.

– У нее не было любовников или, так называемых "интимных" друзей?

– По-видимому, нет, – пожал плечами Мак-Глусски. – Ни интимных, ни даже простых друзей у нее не было.

– Но, ведь, была же у нее хотя бы прислуга? – осведомился следователь.

– Да, была. Всего две женщины – горничная и кухарка, – пояснил Мак-Глусски.

– Где же они теперь?

– Под одной крышей с нами, – засмеялся инспектор. – Получив известие об убийстве, я, конечно, поторопился арестовать их. Это, к тому же, было очень нетрудно.

На лице Ника Картера играла загадочная усмешка.

– Я так и знал, Джордж, – проговорил он.

– Вы уже допрашивали их? – спросил коронер.

– Конечно.

– Что же они говорят?

– Ничего, – покачал головою Мак-Глусски. – Мне кажется, что они, правда, ничего не знают об убийстве. Я им верю; по крайней мере одной из них, хотя не имею причин сомневаться в словах другой. Я, конечно, еще раз допрошу их, так как не успел этого сделать как следует, но допрошу уже после нашего совещания.

– Почему? – изумился следователь. – Не лучше ли допро-

сить их сейчас? Если их прижать как следует в угол, то мы, пожалуй, получим важные сведения.

– Я склонен думать то же самое, – заявил инспектор, – но все же считаю, что время еще не пришло. То, что они скажут, может сбить нас и навести на ложный след. Я убежден, что они не знают о преступлении.

– О мисс Корацони вам ничего неизвестно, кроме того, что вы прочли из анналов?

– Ничего. Я прочел все существенное.

– Ее жизнь в Нью-Йорке, – спросил следователь, – была, значит, безупречна?

– Вполне, – последовал ответ.

– В ее характере не было ничего странного?

– По крайней мере, я ничего не знаю.

– Мне говорил мистер Картер, – произнес коронер, – что убийство совершено не в самой спальне, а в смежной с ней комнате, и труп уже потом был посажен в кресло. Какого вы мнения по поводу этих соображений?

– Вполне с ними согласен.

– Относительно того, каким способом было совершено убийство, мистер Картер ничего не говорил мне. Он, вообще, держался в стороне, словно дело его совсем и не интересуется. В пальцах левой руки покойницы я нашел баночку, очевидно из-под яда, но в ней осталось слишком мало для того, чтобы можно было, хотя бы по запаху, определить, с каким именно ядом имеем мы дело. Вскрытие трупа назна-

чено на завтра, но я думаю, что и оно ничего нам не даст. Ваше мнение, инспектор?

Мак-Глусски бросил на Картера многозначительный взгляд.

– Мне кажется, – проговорил он, – что по этому поводу лучше всего обратиться к моему другу. Хотя я уверен, что у меня с ним одинаковый взгляд и на это, но интересно выслушать именно его мнение. Позвольте мне, однако, раньше предложить вам один вопрос.

– Пожалуйста.

– Скажите, – серьезным тоном начал Мак-Глусски, – вы заметили знаки насилия на теле покойной?

– И да, и нет, – нерешительно произнес коронер.

– То есть? – вопросительно вскинул на него глаза инспектор полиции.

– Я заметил на левой стороне шеи маленькое пятно синеватого цвета. Это мог быть след от удара или толчка, но совершенно также это мог быть и знак, с самого рождения имевшийся у Корацони.

– Это пятно заметил и я, – кивнул головой Мак-Глусски, – но в то время оно было гораздо меньше. Завтра оно будет еще больше, послезавтра... Однако, к этому мы еще вернемся. Я умолчу о том, что думаю по поводу этого пятна, но заявляю что, по-моему мнению, при жизни Адели этого пятна не было.

– Гм, – задумчиво произнес следователь.

Картер во время этого разговора сидел молча, устремив взор в потолок, как бы читая что-то, понятное ему одному.

– А вы видели это пятно, мистер Картер? – обратился к сыщику коронер.

– Да, – кивнул он головой, – заметил. Вполне присоединяюсь к мнению Джорджа, что пятно появилось только вчера.

– Та-а-ак, – протянул следователь. – Скажите, покончила Адель Корацони сама с собой, проглотив яд, находившийся в найденной при ней баночке, или нет?

– Нет! – резко проговорил Ник.

– Но тогда каким же образом...

– О, – с легкой усмешкой произнес Картер, – Адель Корацони погибла, действительно, от яда, но не сама приняла его.

– Как же ввели яд в организм, по вашему?

– Я думаю, – медленно заговорил сыщик, – что в баночке заключался сильный яд, введенный в организм именно там, где находится синеватое пятно.

– Черт знает, что такое! – выругался коронер. – Вы это серьезно, мистер Картер?

– Очень серьезно.

– Да, – сознался чиновник. – С этой стороны я еще не рассматривал происшествия. А вы что скажете на это, мистер Мак-Глусски?

– Вполне присоединяюсь к мнению Ника, – получился ответ.

– Что вы думаете по поводу связи между обоими убий-

ствами? – проговорил коронер, снова обращаясь к Нику.

– Ничего, – холодно произнес сыщик.

Мак-Глусски с недоумением взглянул на своего друга, но воздержался от замечания.

– Так... так... – растерянно забормотал коронер. – Поставим вопрос иначе. Кто был, по вашему мнению, убит раньше: мужчина или женщина?

– Адель Корацони убита часа за два до убийства мужчины, плавающего в ванне, – по-прежнему спокойно дал ответ Картер.

– И оба они были убиты одним и тем же лицом?

– Нет. Я думаю, как раз обратное.

– Почему? – осведомился коронер.

– Потому, что убитый в ванной, по-моему, не кто иной, как убийца Адели.

Следователь тихо свистнул. Даже Мак-Глусски недоверчиво взглянул на своего друга.

– Мы коснулись, – проговорил он, – одного пункта, в котором я...

Ник Картер сделал рукою знак к молчанию.

– Слушай, Джордж, – улыбаясь, заговорил он, – нечего скрывать, что ты провел вчера в этом доме несколько часов, сидел в комнате и даже оставил там окуроч сигары. Неужели ты думаешь, что я не узнал по сигаре, кто именно курил ее?

– Моя сигара?!

– Именно твоя, – кивнул головою Ник. – Неужели ты по-

лагаешь, что я, видящий тебя так часто, не знаю твоей привычки мять в зубах сигару? Пришли мне сигару с юга Африки или с северного полюса, я и тогда узнаю, если она побывала у тебя во рту.

Мак-Глусски громко расхохотался, а коронер разинул рот от удивления.

– Вы и есть убийца! – воскликнул он, обращаясь к инспектору полиции.

– Почему знать, – усмехнулся Картер.

– И все-таки я несколько иного мнения об убийствах, – заговорил Мак-Глусски. – Именно потому, что я, действительно, был в доме. Согласен, что Адель Корацони убита несколько раньше, но в то же время убежден, что убитый, лежащий в ванне, не убийца женщины.

– А я открыл нечто, что, вероятно, ускользнуло от вашего внимания, – торжественно произнес коронер.

– Например? – с легкой насмешкой спросил Ник.

– Если вы внимательно производили осмотр ванной, то, вероятно, припомните, что на полу были следы.

– Были, – кивнул головой Картер.

– Ну-с, – хвастливо продолжал следователь, – а на подошвах туфель Адели Корацони была кровь. Я заметил даже, что кто-то пытался удалить следы, но это не удалось. Теперь объясните мне, пожалуйста, каким образом могла она ходить по ванной комнате, если как вы говорите, была убита тем самым человеком, труп которого лежит в ванне? Ведь, насколько

мне известно, мертвые ходить не могут.

– Вот с этим я вполне согласен, – иронически проговорил Картер.

– А на подошвах Адели кровь, – настойчиво повторил кононер.

– Но больше ее нет нигде во всем доме; ни на одном из ковров, – веско заметил Ник.

– Что вы хотите этим сказать?

– Только то, – спокойно пояснил сыщик, – что если бы Адель ступила в кровавую лужу и затем направилась в свою комнату, то отпечатки окровавленных подошв вели бы из ванной вплоть до ее спальни.

– Это бесспорно так, но я думаю...

– Что мы нашли бы эти следы, если бы тщательнее произвели осмотр? – спросил Картер. – Вы это хотите сказать?

– Да, приблизительно.

– Вы впрягаете лошадей не с того конца, – засмеялся сыщик.

– Вы думаете? – обиделся следователь. – Скажите, как объясняете себе это обстоятельство вы?

– Хорошо, я вам объясню, – начал Ник. – Дело обстоит так: обезображение лица убитого, все страшные раны, которые мы видим на его теле, все это сделано позднее, уже после смерти. Кровь на полу, на стенах, на потолке, на мебели, словом, всюду разбрызгана тоже позднее, специально для того, чтобы спутать следствие. Запишите в вашу памятную

книжку, господин коронер, что мужчина убит совершенно таким же способом, как Адель Корацони. Убийство совершено посредством подкожного впрыскивания морфия.

– Если бы ты не упомянул раньше о том, что убийство совершено другим лицом, – насмешливо произнес Мак-Глуски, – можно было бы подумать, что ты подозреваешь самоубийство.

– Это было бы довольно близко к истине, – спокойно возразил Картер, – потому что еще несколько минут назад я был такого мнения. Я тебе даже скажу, почему я изменил его.

– Значит, он сам искалечил себе так лицо? Подумай только, что ты говоришь, Ник.

– Этого я не говорю, а только утверждаю, что тот, кто убил Адель Корацони, не мог устроить бойню в ванной. Убийца Адели был художник своего дела и убил Адель из-за денег. Тот же, кто буквально исполосовал мужчину, найденного в ванне, действовал из чувства мести, так как это *был*... один из поклонников Адели.

– Не поясните ли нам подробнее вашу мысль, мистер Картер, – обратился к сыщику коронер. – Вы знаете, как я ценю ваше мнение.

– Я должен обратить ваше внимание на некоторые моменты, поведшие, по моему мнению, к двойному убийству. Я позволю себе рассказать вам маленький роман, правда, сочиненный мною, но все главы которого основаны на строгом соответствии с тем, что я видел в доме на Медисон-авеню.

Я не хочу этим сказать, что моя теория непогрешима. Нет. Впрочем, раньше я хочу спросить Джорджа, что ему известно об обстоятельствах, предшествовавших убийству?

– Охотно поведаю об этом, Ник, – комически важно проговорил Мак-Глусски.

– Еще одно: мы не отступим от намеченного плана и будем отстаивать каждый свою теорию, чтобы, таким образом, не пропустить чего-нибудь существенно важного. Ведь, возможно, Джордж, что ты объяснишь себе что-нибудь не совсем беспристрастно, благодаря знакомству с убитой, точно так же, как я, может быть, не понял того или иного, благодаря моему полному незнакомству с ней.

– Начинай, Ник, – поторопил инспектор полиции.

– Хорошо. Итак, прежде всего, я открыл, что ты, дорогой Джордж, вчера днем был в доме Адели Корацони и вел беседу в большой комнате. Беседующих было трое: ты, Адель и мужчина, найденный убитым в ванне.

– А я думаю, – вставил Мак-Глусски, – что третий и есть убийца как того, так и другой.

– Охотно верю, – склонился в его сторону сыщик, – что ты подумал это. Весьма возможно, что это подумал бы и я, если бы был, как ты, знаком с царившими между интересующими нас людьми отношениями. В данном случае, знание этих отношений не только не облегчило тебе работы, но, наоборот, затруднило ее. Ты находишься под влиянием слышанного тобою вчера, как, вероятно, находился бы и я, если

бы присутствовал при вашем разговоре. Вероятно, ты признаешь, что я прав?

– Ну, ну, – отмахнулся инспектор. – Продолжай, я перебивать не буду.

– Очень приятно, Джордж. Иду дальше. Мне кажется, я не ошибаюсь, предполагая, что вчера ты был в доме Корацони в первый раз.

– И в этом ты прав, – согласился Мак-Глусски.

– Это я вывел из следующего: если бы ты был в доме несколько раз, то сказал бы мне об этом тотчас после того, как Патси телефонировал мне о случившемся. Но ты, когда я спросил чей это дом, уже решил умолчать о том, чтобы сыграть со мною маленькую шутку. Я вначале и не подозревал ничего, но окурок сигары открыл мне глаза. Ты сидел у Корацони, между прочим и в кресле, у письменного стола. Я, конечно, задался вопросом: для чего ты скрыл от меня свой визит к Адели? Ответ был очень нетруден. Кто-то позвал тебя в этот дом – вот, что я решил. Но кто же это мог быть? Только сама Адель. Зачем она позовет начальника полиции? Не забудь, что Адель родилась в Испании, а воспитывалась во Франции. Я знаю, что французы, при малейшем намеке на опасность, обращаются к помощи высших властей, тогда как у нас, в таком случае, ограничатся заявлением в ближайшее отделение. Как бы то ни было, но я заключил, что жизни Адели, по ее мнению, угрожает опасность, и вот она и обратилась к тебе. Моему Джорджу, думал я, рассказа-

ли историю, которую он и считает ключом к разгадке тайны. О своем пребывании в доме Корацони ты, вероятно, хотел мне поведать уже по окончании наших розысков. Логикой моей я был вполне доволен. Я не только не добивался твоей откровенности, но решил просить тебя не говорить мне ничего, если бы, даже, ты и начал мне рассказывать сам. Когда мы посетили ванную, чтобы убедиться, что Мак-Гинти не преувеличил, говоря об ее ужасном виде, меня поразило отсутствие интереса, который при этом проявил ты. Когда же я составил себе мою теорию, это равнодушие сделалось для меня понятным: ты знал, что в доме есть еще человек и что мы найдем еще один труп! Мало того, тебе казалось, что ты знаешь и то, кто является убийцей! Теперь мне было уже по-детски легко заключить, что из вчерашнего разговора ты познакомился с личностью того, кто угрожал жизни Адели Корацони и был уверен, что в ванне лежит убийца хозяйки и ни кто другой. Чтобы убедиться в правоте моего мнения, я начал с другого конца и предположил диаметрально противоположное. Я сказал, что если ты составил себе одну теорию, то я должен составить другую и тогда справедливость теории того или другого должна резко обрисоваться. Если бы ты сообщил мне свое мнение заранее, то, вероятно, я прикинул бы к нему и тогда мы оба начали бы исходить из одного и того же пункта, вместо того, чтобы основываться исключительно на фактах. Вначале я предположил, что встреченный тобой у Адели Корацони человек – ее поклонник, но

теперь узнаю от тебя, что она, со времени своего приезда в Нью-Йорк, вела себя безукоризненно! Затем, я решил, что это был ее родственник, но в твоих анналах нет ни звука о них. Все-таки, разве не могло у нее быть, например, брата? Ясно, впрочем, одно: когда ты пришел к ней вчера, у нее был какой-то мужчина! Он, очевидно, пользовался большим доверием, так как присутствовал при вашем разговоре. Знаю, тебе его присутствие было не очень приятно, ты бы с большим удовольствием повел беседу между четырех глаз, но раз он был у Адели Корацони, значит, имел на это право, и ты, молча, признал это. Далее. Если бы это был ее муж, об этом было бы сказано в твоих анналах, а они не говорят о нем. Корацони здесь вела примерный образ жизни. Вообще, только ее поведение в Париже, при жизни этого актера, было подозрительно и я, пожалуй, склонен думать, что она не без греха в деле скоропостижной смерти мужа. Однако, продолжаю. Этот третий, присутствовавший при вашем разговоре, был молодой человек, еще не достигший тридцати лет. Вряд ли, он мог быть посвящен во все детали жизни Адели, если бы не был ее родственником – ну, скажем, братом. За брата, вероятно, принял вчера его и ты! Поэтому-то ты и решил, что человек в ванне именно он и ни кто другой. Убийцей Корацони ты считаешь описанного тебе человека. Ты не можешь себе представить, чтобы брат, тот самый брат, который, в твоём присутствии, так нежно относился к сестре, чтобы этот самый брат, повторяю я, был убийцей собственной сестры. Ве-

роятно, тебя уверили, что как брат, так и сестра находятся в страшной опасности, причем того третьего, которого они называли тебе, как возможного убийцу, разрисовали красками, довольно мрачного колорита. Разумеется, они не упустили из виду сказать тебе, что этот "дьявол в человеческом образе", как две капли воды, похож на брата миссис Корацони.

– Ник! – изумленно вытаращил глаза Мак-Глусски. – Ты восьмое чудо света! Я не понимаю, как можно настолько живо нарисовать картину нашего разговора. Я поражен, до чего сходятся все мельчайшие детали!

– Не преувеличивай, Джордж, – засмеялся Картер. – Ничего удивительного в этом нет. Я просто великолепно знаю тебя и могу поставить себя на твое место, точно также, как ты себя на мое. Если бы ты, с самого начала, не был убежден, что твоя теория основана на непреложной истине, а допустил бы возможность ошибки, то ты, я уверен, пришел бы к тем же выводам, к которым пришел я. Представим себе твое положение, Джордж: против тебя сидит прекрасная, очаровательная женщина. Ты приходишь к ней, по ее зову и она принимает тебя, в присутствии брата. По ее поведению ты видишь, что она обожает брата. Конечно, ты даешь себя одурачить и начинаешь питать к нему доверие. Под влиянием ее красоты, ты всецело заполняешься симпатией к этой Адели и усыпляешь присущую тебе осторожность и недоверчивость.

– Ты прав и в этом, – вздохнул инспектор полиции.

– Хорошо. Предположим теперь, что мертвец в ванной –

брат Адели, а убийца – тот изверг, которого тебе так живо описали.

– Все так, – заметил Мак-Глусски, – но кто же тогда, по-своему, убийца? До сих пор, ты молчал об этом.

– Я считаю, – спокойно начал Картер, – что вся история, рассказанная тебе – следствие заговора, составленного братом Корацони с целью ограбления и убийства сестры. Он подстроил все таким образом, чтобы подозрение в преступлении пало на другое лицо. За убийцу каждый принял бы того мистического злодея, которого так подробно описала тебе сама Адель. Брат Корацони, несомненно, принимал бы деятельное участие в розысках и не задумался бы, посредством клятвопреступничества, взвести на эшафот ни в чем неповинного человека, если бы на кого-нибудь пало подозрение. Однако, замысел его не удался. В самый острый момент трагедии, кто-то вошел в комнату, нашел труп убитой и принудил негодяя сознаться в преступлении. Собственно говоря, для нас безразлично, как именно произошло то, что произошло. Для меня ясно, как Божий день, одно: брат напал на третье лицо, между ними была борьба, окончившаяся смертью брата. Орудием этого убийства был шприц, который, вероятно, лежал где-нибудь поблизости от места борьбы и мог быть пущен в дело. Несомненно, что брат сам воспользовался бы инструментом, если бы его не предупредил тот третий. Он увидел шприц, понял его назначение и, вне себя от негодования, вонзил в негодяя, который и умер через

несколько секунд. Расскажу вам теперь, почему я так уверен в справедливости моих слов. Не забудь, – продолжал Картер, после короткого молчания, обращаясь к Джорджу, – что я не знаю ничего из твоей беседы с Аделью и ее братом, а говорю исключительно на основании наблюдений. Ты, конечно, видел, что я очень широко пользовался увеличительным стеклом, несмотря на то, что знаю, как пренебрежительно относятся к этому оптическому инструменту сыщики. Должен сказать, что с таким взглядом я совершенно не согласен: благодаря лупе, можно увидеть многое такое, что ускользает от невооруженного, хотя бы и очень острого, глаза. По счастью, ковры, покрывавшие полы комнат, принадлежат к числу так называемых "пуховых", которые гораздо рельефнее обрисовывают следы, чем какие бы то ни было другие... Если смотреть на такой ковер сверху вниз, то ничего нельзя заметить... Если же отойти немного в сторону, и посмотреть вдоль ворса, то сейчас же обнаружатся места, на которых находилась какая-нибудь тяжесть. Если, теперь, эти места исследовать с помощью увеличительного стекла, то можно найти очень много интересного. Я тщательно исследовал все ковры в доме и они рассказали мне массу интересных вещей. Конечно, было бы глупостью утверждать, что простой отпечаток ноги на ковре – важное указание, но, с другой стороны, совокупность всевозможных следов, есть основание, на котором можно построить некоторые выводы... Так, например, очень резкие следы, каблуков и носков, перепутав-

шиеся друг с другом, красноречиво говорят о борьбе двух людей между собой. Имей в виду, что следы человека, спокойно идущего по ковру, и того же человека, но тянущего за собой другого – очень различны. Если же он, при этом, приподнимает тело и бережно опускает его в кресло, стоящее в другой комнате, то и это обстоятельство отпечатается на ворсе ковра. Попробуй сам проделать на таком ковре несколько различных движений и ты увидишь, как рельефно отразит их "пуховый" ковер. Затем... На ковре я заметил резкие отпечатки колен, причем, как мне удалось выяснить, кто-то стоял долго на коленях, несколько раз меняя положение. Вот, в деле открытия всех этих следов и сослужило мне большую службу увеличительное стекло... Я, например, знаю, что внизу произошла короткая, но ожесточенная борьба... Она началась у задней стены противоположной той, у которой стоит письменный стол... У самой портьеры, у выходной двери, один человек внезапно приостановился... Я знаю, чье тело лежало перед дверью: мужчины или женщины. Знаю и то, что тело это втащили наверх, через всю комнату... Отпечатки каблучков тащившего, вместе с отпечатками тела, очень ясно можно усмотреть на коврах, покрывающих коридор и лестницу, ведущую наверх. Из этого я заключаю, что внизу был убит человек, по твоему, неизвестный, по-моему – брат Адели. Затем труп был брошен в ванну, где и лежал больше часа... Убийца в это время лихорадочно шагнул назад и вперед. Теперь расскажу тебе, почему я уверен,

что убит брат, а не неизвестный мужчина... Я выяснил, что около кресла, в котором мы нашли тело Корацони, на ковре, очень долго, около получаса, стоял на коленях человек. Только очень долгое стояние могло оставить такие глубокие отпечатки, с которыми встретился я... Кроме того, на продолжительность указывает и отмеченная мною раньше перемена ног... Вокруг кресла рассеяны отпечатки каблуков того же самого человека. Эти отпечатки происходят от того, что он ходил около кресла, приводя труп в то положение, в котором мы нашли его... Я заметил, что кто-то любовно сжимал руки убитой... Так как пальцы Адели украшены кольцами, то следы этих рукопожатий уловить совсем не трудно... Теперь ты, наверное, спросишь, почему тело было перетащено в спальню? Именно потому, отвечу я, что тот, кто тащил его, страстно любил Корацони. Он не мог согласиться, чтобы она осталась на полу у окна, где была убита, хотел и после смерти поместить ее возможно удобнее... В своих выводах я иду еще дальше... Согласись сам, что брат не стал бы нежно пожимать и поглаживать руки сестры, да еще, стоя на коленях. Брат не стал бы терять драгоценного времени, чтобы придать телу положение спящей, не забывая при этом, всеми возможными средствами, оттенять красоту покойницы. Более того: брат не стал бы покидать дом через главный подъезд, да еще оставлять дверь открытой настежь, так что каждому предоставлялась возможность забраться в дом.

Картер сделал небольшую паузу. Мак-Глусски и коронер

слушали его, затаив дыхание.

– Вы, может быть, спросите, – снова начал Ник, – что побудило убийцу так ужасно изуродовать лежащего в ванне человека? Если мои предположения верны, то убийца раньше и не думал об этом – это произошло позднее... Двигателем, в данном случае, была месть – ненасытная месть! Убийца брата не знал, что Адель мертва и думал, что она лежит в обмороке... Он опустился перед нею на колени и, вероятно, долго говорил ей о своей любви и о том, что не хотел убить ее брата... Вся история произошла, по-моему, следующим образом: заслышав шаги, брат спрятался за портьеру и, когда вошедший миновал его, бросился сзади, намереваясь уничтожить непрошенного свидетеля. Шприц он, вероятно, держал в руке, чтобы убить своего противника тем же способом, как и сестру, но вошедший схватил негодя за руку и этим спас себя... Во время борьбы, острие шприца вонзилось в тело преступника, и, таким образом, убийца сестры был наказан Провидением... Незвестный, который и не думал убивать своего врага, испугался и отправился сообщить обо всем любимой им Адели Корацони. Увидев ее на полу, он, как я уже сказал, подумал, что она в обмороке и, опустившись на колени, сознался ей в невольном убийстве! Только очень нескоро сообразил он, что перед ним труп, и что убийцей мог быть брат Адели и не кто другой. Таким образом, для него делалась ясным и причина нападения на него самого. Первым движением неизвестного было – кинуться к убитому него-

ддю и дать волю негодованию... Но тут взгляд его упал на лежавшее на ковре тело любимой женщины и желание отдать ей последний долг победило остальные мысли... Вот, тогда-то он и поднял ее и отнес в кресло, в которое и усидил так, как ему казалось наилучшим... Затем, он опустился перед нею на колени и долго гладил ее руки, называя самыми нежными именами... Только, когда наступило свойственное трупам одеревенение членов, несчастный сообразил, что случилось. Им овладело бешенство, он обезумел... Как разъяренный тигр, кинулся он в ванную и, увидев лицо ненавистного убийцы, положительно обезумел... Он схватил нож и принялся кромсать лицо своего врага... Насытив ярость, он швырнул тело в ванну... Весьма возможно, что, при этом, у него мелькнула дикая мысль об утоплении трупа! Немного придя в себя, несчастный заметил, что он весь в крови... Он схватил первое попавшееся ему на глаза и вытер руки... Это и был тот платок, который мы видели на туалетном столике! Затем он вымыл лицо и руки под краном, находящимся в ванне и думал, что дело кончено, почему и направился к выходу. Но тут вспомнил, что весь его костюм обрызган кровью! Он понимал, что в таком виде, в каком находился он в данный момент, выйти на улицу невозможно: первый попавшийся полисмен задержал бы его. Тогда он отыскал в одном из шкафов одежду изуродованного им негодяя и натянул его костюм, поверх своего... Теперь он мог выйти, да и время было уже не раннее, но ему захотелось еще раз взглянуть на

горячо любимую женщину и попросить у нее прощения... Не знаю, Джордж, заметил ли ты, что под стулом около которого упала убитая Адель, стояли раньше туфли? Нет? Ну, так мне поведал об этом ковер... Когда неизвестный тащил Корациони наверх, в кресло, он нечаянно сбросил с ног ее туфли, и, войдя, уже перед тем снова в спальню, заметил, что ноги Адели не обуты... Тогда он решил исправить и эту оплошность... Он вначале спустился вниз и взял туфли из-под стула, замеченные им раньше, а затем уже вернулся в ванную, чтобы поискать в стоявшем в углу шкафу туфли помоднее... При этом, он уронил в кровавую лужу туфли "из-под стула", которые держал в руках... Отсюда-то и происходят кровавые пятна на подошвах туфель, надетых на убитую. Не найдя ничего подходящего, неизвестный вернулся в спальню и обул ноги Адели.

– Все-таки, Ник, ты кое что забыл, – заметил Мак-Глуски. – Ты ни слова не сказал о баночке и раскрытой книге.

– Я еще не кончил, дорогой мой. Баночка находилась в кармане пиджака брата Корациони и была наполнена, приблизительно, до половины.

– Содержимое ее, – вступил в разговор инспектор, – вылито в вазу, стоящую на камине.

– Ваза уже опечатана господином коронером. Я знаю состав находящегося в баночке яда. Это яд небольшой, зеленого цвета, змеи, водящейся по берегам Ориноко и Амазонки. Укус этой гадины приводит к смерти через 1/2 минуты. Ис-

панцы называют эту змею: "La muetra de la alma..." Баночку нашел убийца брата Адели в его кармане и вставил в руку несчастной, чтобы симулировать самоубийство. Впрочем, нельзя с точностью утверждать, какие мысли могут прийти в голову такому человеку, как тот, о котором идет речь.

– Что вы хотите этим сказать? – осведомился коронер.

– Он говорит этим, – кивнул Мак-Глусски в сторону Картера, – что Антонио де ла Вуэльта (имя убийцы брата Адели) помешался при виде трупа своей возлюбленной.

– Да, – кивнул головою Ник.

– И он, этот Антонио, – закончил инспектор, – своим поведением скоро выдаст себя.

– Согласен. При этом, еще одно, Джордж. Иду на пари, что под костюмом убитого Корацони он продолжает носить свой окровавленный пиджак.

– Гм... – задумчиво произнес Мак-Глусски и нервно заходил по комнате.

– Теперь, кажется, моя очередь рассказывать?

– Да, Джордж. Не забывай, что может оказаться правой именно твоя теория.

– Этого не может быть, – послышался ответ. – Ты слишком точно обосновал свои выводы.

– Ну, ну. Рассказывай.

– Меня, – начал инспектор полиции, – позвали вчера к телефону около одиннадцати часов утра. Голос был женский – очень нежный, мягкий. Женщина назвалась Аделью Корацо-

ни и рассказала, что против нее готовится преступление, что жизнь ее в опасности и что она будет очень благодарна, если я соглашусь принять ее в управлении. Я ответил, что считаю лучше явиться самому к ней. При этом, должен сознаться, во мне говорило желание познакомиться с таинственным домом на Медисон-авеню. Около двух часов дня я отправился туда и застал Адель Корацони в обществе ее брата, которого она называла Рафаэлем. Между ними было, действительно, сходство, но, в то же время, их лица были яркой противоположностью одно другому. Адель была, в буквальном смысле слова, красавицей, а Рафаэль – типичным преступником. Таких глаз, как у него, я еще ни у кого не видел. Но, так как, повторяю, сходство было, то я и не сомневался, что передо мной, действительно, брат и сестра. Адель объяснила мне, что брат ее приехал только накануне в Нью-Йорк. С ним вместе, будто бы приехал и некий Антонио де ла Вуэльта. Этот последний, по словам Адели, вероятно и был убийцей ее мужа в Париже и до сих пор добивается ее взаимности, несмотря на ее категорические отказы. Его лицо и фигура очень похожи на Рафаэля, он красив и очень элегантен. По возрасту, он несколькими годами моложе Рафаэля. Затем, мне рассказали, что Антонио де ла Вуэльта очень симпатичный человек, но что у него бывают припадки, во время которых он делается опасным, как разъяренный тигр. Все это сообщила мне Адель Корацони. Затем брат ее привел несколько примеров, в которых сказывалось именно это ужасное беснова-

ние Антонио. Оказалось, что Антонио с самого дня отъезда Адели из Парижа состоял с нею в переписке и, наконец, сообщил, что едет в Нью-Йорк. Он назвал даже судно, на котором прибудет в Америку и добавил, что не позволит обращаться с собой, как с первым встречным, причем угрожал "расправиться по-своему" с Аделью, если она его не примет. Мне предъявили письмо, которое и теперь находится у меня: в письме стояло именно то, о чем мне говорили... Получив такое письмо, Адель телеграфировала брату и он приехал на том же судне, с которым прибыл и Антонио, чтобы, в случае надобности, защитить сестру. Между прочим, Рафаэль передал мне, что Антонио очень опытен в смешении растительных ядов и усиленно этим занимается. Долгое время он прожил среди южно-американских индейцев, у которых и научился этому искусству. Рафаэль упомянул даже о каком-то отдаленном родстве Антонио с Лукрецией Борджиа, которая, как известно, очень любила отравлять своих родственников. В конце концов, я даже перестал обращать внимание на болтовню этого Рафаэля, слишком уж часто приходилось мне выслушивать подобные тирады. Я спросил, каким образом могу защитить их и что именно, по их мнению, может предпринять против Адели Антонио? На эти вопросы они не дали мне сколько-нибудь положительного ответа. Я заявил, что до тех пор, пока де ла Вуэльта ничем не проявил своих преступных замыслов, я ничего не могу предпринять против него и что только тогда, когда ими будет подана на него жа-

лоба, я могу активно выступить. Рафаэль, однако, настаивал, что за Антонио необходимо учредить тайное наблюдение и обещал хорошо заплатить за это. Тогда я им указал на тебя и дал твой адрес.

– Рафаэль у меня не был, – вставил Ник.

– Мой визит, – продолжал инспектор полиции, – длился около часа. Говоря откровенно, разговор с обоими Корацони не особенно сильно повлиял на меня: я не видел ничего серьезного во всем деле и решил, что опасения их сильно преувеличены. Мне просто показалось, что все заявление не что иное, как истерия. С другой стороны, красота Адели произвела на меня очень сильное впечатление. Она была так грациозна, так изящна, так любовно относилась к брату, который, на мой взгляд, совсем не стоил этого. Когда сегодня утром тебя вызвал к телефону Патси и я узнал, в чем дело – я был страшно поражен! Я скрыл от тебя, что был в доме исключительно для того, чтобы испытать: узнаешь ли ты сам о моем пребывании. Кроме того, мне хотелось и самому составить известный взгляд на дело. Наконец, зная твой метод, я не хотел сбивать тебя с толку предварительными пояснениями, будучи уверен, что ты сумеешь выяснить обстоятельства и без моей помощи. Твой рассказ показал мне, что я был вполне прав. Когда ты спросил у меня, кто живет в доме, я нарочно сделал вид, будто припоминаю фамилию – я не желал давать тебе даже намек на то, что был в этом здании. Внезапно я вспомнил, что оставил окурок сигары в

нижней комнате, и мне стало крайне интересно ожидать результата твоих розысков: узнаешь ты о моем пребывании в доме Корацини, или нет? Ты очень часто говорил, что по самому обыкновенному окурку сигары весьма легко узнать курившего. Угадывать особенности по отпечаткам зубов на сигаре – твоя специальность и поэтому мое любопытство было сильно напряжено. Увидев в пепельнице мой окурочек, ты взглянул на меня. В другое время, я, пожалуй и не заметил бы этого взгляда, но сегодня я слишком ревниво наблюдал за тобой, чтобы пропустить его. Итак, я понял, что мое недавнее присутствие в комнате тебе известно. Сигара эта, надобно тебе сказать, была мне предложена самой Аделью и, между нами говоря, оказалась не особенно хороша! Поэтому я, сделав несколько затяжек, отложил ее в сторону и не особенно стремился закурить еще разок. Однако, иду дальше. Я, с самого момента входа в дом, ожидал увидеть труп Адели. Рапорт Мак-Гинти приготовил меня к тому, что мы увидим в ванной и, должен сознаться, я был уверен, что передо мной труп не Антонио де ла Вуэльта. Письмо этого Антонио, лежавшее в моем боковом кармане, давало мне для этого достаточные основания. Антонио, судя по письму, в подлинности которого я теперь сильно сомневаюсь, грозил убить не только Адель, но и ее брата. Поэтому, я заранее был подготовлен к тому, что злодей убил и сестру и брата и что в ванне лежит труп последнего. Несмотря ни на что, я упрекал себя, что не придавал сразу серьезного значения заяв-

нию Корацони. Меня смутила быстрота перехода от угрозы к делу. Я ограничился беглым осмотром, потому что прекрасно знал, что от твоего острого взгляда, Ник, не укроется ни одна мелочь, имеющая отношение к делу. Еще вчера, во время моего пребывания в доме, я осведомился о количестве прислуги и узнал, что Адель держала всего двух женщин для услуг: горничную и кухарку. Прибытие брата заставило Адель несколько изменить свои привычки и она решила отказать служанкам. Вчера вечером она и исполнила это под тем предлогом, что они ей не подходят. Теперь я понимаю, что здесь сказывалось влияние брата, который хотел удалить из дома всех, кто мог бы впоследствии, явиться свидетелем его преступления. Он же позаботился и о том, чтобы Адель не успела нанять других служанок. Когда я осматривал их комнату, то нашел в ней беспорядок, ясно говоривший, что они ушли рано утром, не успев прибрать помещение, а это в свою очередь, показало мне, что они были недовольны чем-то. Вспомнив слова Адели об отказе, я понял, что она исполнила свое намерение. Я, конечно, тотчас же позаботился, чтобы получить их в "свои руки", так сказать. Это оказалось нетрудным и незадолго до вашего прихода они прибыли ко мне в управление.

– Вы не допрашивали их? – вступил в разговор коронер.

– Нет, – покачал головою Мак-Глуски. – Я спросил их только об именах, возрасте и т. п. Подробный допрос я решил произвести в вашем присутствии. Сейчас я их позову

сюда, а пока еще нечто. Я, значит, под влиянием разговора и основываясь на письме, полагал, что обе жертвы пали от руки одного и того же человека. Теперь, Ник, благодаря твоим выводам, я считаю свою теорию неправильной. Вполне присоединяюсь к тебе и заявляю, что убийца человека, лежащего в ванне, ненормальный субъект, который попадет в руки полиции очень скоро.

– Скажи Джордж, – произнес Картер, медленно отчеканивая каждое слово, – согласен ли ты с тем, что убийство брата Адели совершено было при условиях необходимой самообороны и что искажение лица произведено позднее, под влиянием болезненного припадка? Иными словами, согласен ли ты с тем, что убийцей, в мерзком значении этого слова, был один брат? Что касается меня, я убежден, что убийство Адели – дело его рук.

– Ну, конечно, – согласился Мак-Глусски. – Однако, приступим к допросу девушек. Может быть, мы и узнаем что-нибудь важное.

– Одну минуту, они американки или иностранки?

– Одна из них – молодая француженка, воспитанная однако, здесь; другая, уже пожилая особа, носит ирландскую фамилию, но родилась и выросла здесь же.

– Кто будет вести допрос? Ты, господин следователь или я?

– Если господин коронер ничего не имеет против, я представил бы это тебе, Ник.

– И мне это было бы очень приятно, – проговорил коронер. – Я видел, как талантливо комбинируете вы мельчайшие признаки и в восторге от ваших способностей, друг Картер.

– "У каждого своя манера" ... вести розыски, – засмеялся сыщик.

– Совершенно верно, у каждого своя способность, – заметил Мак-Глусски. – Что касается нашего друга следователя, то он виртуоз в деле взвешивания фактов.

С этими словами, он нажал кнопку звонка и велел ввести служанок.

* * *

– Садитесь, пожалуйста, – вежливо обратился к вошедшим женщинам Ник Картер. – Вам нечего бояться, так как вам не грозит ни малейшая опасность. Я задам вам несколько вопросов, на которые попрошу ответить. Отвечайте, хорошенько обдумав и не обе сразу – это все, что от вас требуется. Вас никто не считает арестованными и вы будете отпущены на свободу, конечно, если скажете правду – одну правду! Итак, – обратился он к младшей, – как вас зовут?

– Мари Дюбуа, – послышался робкий ответ.

– А вас? – перешел сыщик к другой женщине.

– Кора Фланиган, сэр.

– Итак, Мари, отвечайте сперва вы, – решил Ник. – Долго ли вы служили у Адели Корациони?

– Три месяца, сэр.

– А вы, Кора?

– Мы обе наняты были из одной конторы в одно и то же время, сэр.

– Прекрасно. Отношения между вами и хозяйкой были хорошие?

– Да, – кивнула головою Фланиган. – Мы очень ее любили. Она была к нам так добра.

– Почему же вы оставили место?

– Из-за ее брата! – возбужденно произнесла француженка. – Это – ехидна, это – змея!

– Ого. Однако, – шутливо покачал головою Ник. – Расскажите, что такое с этим братом? Что он вам сделал? Из-за чего это он?

– Ну, этого я и рассказать не умею, – развела Дюбуа руками. – Не прошло еще и часа после его появления в доме, как он начал ругаться, Бог знает, как – и все по-испански. Он, вероятно, думал, что мы не пойдем, но он жестоко ошибся: моя мать была испанка.

– Не горячитесь, Мари, – напомнил Картер. – Вы, значит, думаете, что он виновен в том, что вам отказали?

– Думаю? Нет, сэр, я знаю это наверное. Я слышала, что он говорил о нас своей сестре.

– Что же именно он говорил? – осведомился сыщик.

– Да слов-то было немного. Он говорил хозяйке, что один человек решил убить и его и ее и что, поэтому нужно быть

очень осторожными. Затем, он рекомендовал отказать нам и взять людей, в преданности которых можно было бы быть уверенным. "Кто их знает", шипел он, "может быть они обе подкуплены нашим врагом". Он упомянул и о том, что из Европы он привез двух служанок, которых оставил на корабле и которые явятся по первому требованию. Так и убедил хозяйку, – энергично закончила француженка. – И знаете что, сэр? – начала она, после минутной паузы. – Ведь, все это вздор и вранье! Очень это было похоже на то, что у него что-то на уме и мы ему, как бельмо на глазу. Ну, коротко говоря, нам отказали. Еще хорошо, что хозяйка дала каждой из нас месячное жалованье, чтобы таким образом хотя бы несколько вознаградить за потерю места.

– Тот вопрос, который я задам вам сейчас, для меня очень важен, – предупредил Ник. – Обдумайте хорошенько, прежде чем ответить. Скажите, в котором часу покинули вы дом?

– Видите ли, – замялась Дюбуа, – может быть, с нашей стороны это было нехорошо, но мы так боялись этого брата, что решили уйти сегодня утром, тотчас после восхода солнца. Однако, мы не выдержали и даже не справив работы, ушли вчера в десять часов вечера.

– Значит, вы не спали в вашей комнате?

– Нет. Мы только взбили кровати, чтобы сделать вид, что провели ночь дома. Видите ли, сэр: хозяйка сказала, что мы ей не нужны и мы знали, что нас уже не потребуют на весь

вечер, поэтому и воспользовались этим: сделали вид, будто ушли только утром, тогда как нас уже полсутки не было в доме.

– Но почему же, – задал вопрос сыщик, – вы ушли только в десять часов вечера. Ведь, вы могли удалиться и раньше.

– Мы и хотели поступить так, но это оказалось невозможным, – вступила в разговор Нора.

– Почему?

– Да, вот почему, сэр. Мы уже были одеты, даже шляпы были на головах, как вдруг этот брат позвал меня.

– Что же ему нужно было от вас?

– Я сняла шляпу, – невозмутимо спокойно продолжала ирландка, – и спустилась вниз. Рафаэль сказал мне, что около половины десятого он ждет гостя и я должна впустить его, когда он позвонит.

– Ну и...

– Подождите, сэр, я еще не кончила...

– Дальше, дальше, – торопил Ник.

– Затем, Рафаэль сказал мне, что гость спросит его и я должна сказать, что он ушел, но через час вернется. "Попросите его в гостиную", добавил он. Я еще спросила, нужно ли докладывать хозяйке, но он резко заметил, что я должна делать только то, что мне приказано. Я поднялась наверх, но в нашу комнату не вошла, опасаясь, что там не услышу звонка... Я видела как Рафаэль вошел в комнату хозяйки, побыл там несколько минут и вернулся в гостиную. Из нее он, од-

нако, не вышел, иначе я бы его увидела.

– Ну, а затем?.. – напряженно спросил Картер.

– Немного спустя, раздался звонок и я пошла к подъезду. У двери стоял красивый молодой человек и спрашивал мистера Корацони. Я сказала, что он ушел, но скоро вернется, хотя сама не видела его выходящим из дому; я вошла в гостиную, чтобы зажечь электричество и посмотреть, нет ли в комнате господина.

– Рафаэль был там?

– Да, – кивнула головою Фланиган. – Но он не знал, что я его видела – он стоял за портьерой.

– Что же сделали вы?

– Я пригласила джентльмена в гостиную, но сделала ему знак, что Рафаэль за портьерой.

– Понял вас джентльмен?

– Да. Он молча кивнул головой.

– Ну, а затем, – допытывался сыщик, – слышали вы какой-нибудь шум или разговор?

– Слышала. Незнакомый спросил: "Зачем ты, дружище, прячешься от меня?"

– Ну, ну?..

– Да больше ничего. Я побежала наверх и мы вместе с Мари выбежали из дому.

– Но, ведь, вы должны были пройти мимо двери гостиной?

– Конечно, сэр.

– И вы ничего не слышали?

– Ничего.

– А вы тоже ничего? – повернулся Ник к Дюбуа.

– Нет! – энергично потрясла головой француженка. – Мы честные девушки, сэр, и нам было стыдно, что мы тайком, ночью бежим из дому. Нам было не до того, чтобы прислушиваться.

– Как вы думаете, Нора, хозяйка хотела бы поговорить с этим гостем?

– Нет. Ни в коем случае, – твердо дала ответ Фланиган.

– Почему вы так думаете?

– Потому что она сама сказала, что хочет остаться у себя в комнате. Я еще помогала ей одеться в капот с кружевными рукавами. Я надела ей туфли, принесла спички, сигареты и книгу и была очень довольна этим, зная, что теперь мы не понадобится.

– На какой стул села миссис Корацони?

– Который стоял у окна, – последовал ответ.

Сыщик молча переглянулся с Мак-Глусски и коронером.

– Вы говорите, что надели барыне туфли, – продолжал Ник, – это были туфли на гагачьем пуху?

– Они самые.

– И с тех пор вы не видели вашей барыни?

– Нет, сэр.

– Вы попрощались с ней, уходя?

– Нет, – покачала головой ирландка. – Я не хотела выдавать того, что мы уходим уже вечером.

– Разве не вы должны были утром приготовить завтрак, Нора?

– Нет, сэръ; мне было сказано, что это не нужно.

– Мне кажется, Ник, – полушутя, полусерьезно вставил инспектор полиции, – что тот неоткупоренный пузырек хлороформа, который я видел на окне в комнате Рафаэля, был приготовлен недаром. Он должен был сыграть некую роль по отношению к служанкам.

– Без сомнения, – согласился Ник. – Негодяй хотел одурманить девушек.

– Что же случилось, сэръ? – с беспокойством, осведомилась Нора. – Хозяйка... Что с ней?

– Нечто очень серьезное, Нора. Может быть, вы предполагаете?

– Нет, – покачала Фланиган головой. – Уж не убита ли она? От этого братца я всего ожидаю.

– Почему же именно брат? – насторожился сыщик. – Почему не этот гость?

– О, нет! – убежденно произнесла ирландка. – Этот не обидит и мухи. Вот Рафаэль...

– Что же?

– Да он пробыл всего один день, а мы уже боялись его, как огня.

– Отчего?

– Очень уж он отвратителен, – созналась Нора. – Эти холодные, злые, жестокие глаза. Когда он открывал рот, то по-

казывал свои зубы, как хищный зверь. Кроме того, он никогда не смеялся, а людей, которые не умеют смеяться, сэр, я избегаю. Это нехорошие люди, сэр!

– Вполне с вами согласен. Еще что вы заметили?

– Он шнырял по всему дому, словно вынюхивал что-то и совал всюду свой нос. Главным образом, он вертелся перед несгораемым шкафом и я несколько раз видела, что он стоял на коленях и возился с замком.

– Так, так, – кивнул Картер. – Для чего он это делал, по-вашему?

– Не мудрено догадаться, – бойко встала Дюбуа. – Он хотел взломать шкаф. В нем были деньги и драгоценности хозяйки.

– Но, ведь шкаф был заперт?

– Постоянно, – последовал ответ.

– Он и теперь еще заперт, – проворчал Картер. – Негодяй был убит прежде, чем успел привести свое гнусное намерение в исполнение.

– Он убит? – с ужасом спросила Нора.

– Да.

– Кем?

– Гостем, которого вы впустили.

– И поделом, – твердо произнесла Дюбуа.

– Да, поделом, – серьезно подтвердила Фланиган. – Я убеждена, что не с добра спрятался он за портьеру. Поэтому я и дала знак гостю.

– Почему вы предполагаете, что он подкарауливал гостя, что это была не шутка?

– Не могу вам сказать, – просто ответила ирландка... И сама не знаю. Просто, мне так показалось. Я почувствовала что-то неладное – вот, и все.

– Полюбуйся, Джордж, – обратился Картер к своему другу, – насколько чутко сердце женщины. Она ничего не знала, не комбинировала, не наблюдала – она, просто-напросто, почувствовала, что негодяй замышлял недоброе против гостя. Удивительно создано женское сердце.

– Боже, как поэтично, – усмехнулся Картер.

– Я думаю, их можно отпустить? – перешел Мак-Глусски с поэзии на прозу.

– Конечно. Ведь, мы же знаем, где их найти. Благодарю вас, Нора. И вас также, Мари. Вы можете идти домой.

– А что с нашей госпожой, сэр?

– Это вы узнаете из утренних газет. Спокойной ночи.

По звонку Мак-Глусски в комнату вошел полисмен и увел девушек.

– Ну, мистер Мак-Глусски, – шутливо и торжественно обратился сыщик к своему другу. – Теперь настала очередь закончить свое повествование. Я знаю, например, что вы осведомлены насчет того, на каком корабле приехали сюда Антонио и Рафаэль, знаю, что вы собрали сведения и об их отношениях друг к другу. Наконец, я несколько не удивлюсь, если вы приготовите нам какой-нибудь особенный сюрприз.

"Неправда ли, Горацио?"

– Я уже давно ожидал от тебя такого вопроса, – весело произнес он. – Собственно говоря, мне не следовало собирать сведений на корабле, я знал, что это сделаешь ты.

– Но ты, все-таки, собрал их. Итак, что же ты узнал?

– Прежде всего то, что оба действительно приехали на одном пароходе.

– И они относились хорошо один к другому?

– О, да. Мне сказали, что все считали их за родных братьев.

– Этого и следовало ожидать, – кивнул головой Ник. – Ты помнишь, что войдя в гостиную, Антонио спросил: "Зачем ты прячешься от меня, дружище?"

– Кроме того, – продолжал Мак-Глусски, – Рафаэль всем представлял де ла Вуэльту как своего будущего шурина.

– Да?! – вскрикнул Картер.

– Да!

– Ты установил надзор за Антонио после визита к Адели?

– Конечно. Только, к сожалению, не особенно строгий.

– Значит, за Антонио следили?

– Следили, – кивнул Мак-Глусски.

– Что же ты говорил, будто решил не устанавливать надзора?

– А, просто хотелось посмотреть, поверишь ли ты этому, Ник.

– И тебе чуть-чуть не удалось провести меня, – засмеялся

Картер. – Но я слишком хорошо знаю тебя и твою тщательность, чтобы поверить этому.

– Как ты думаешь, – таинственно подмигнул глазом инспектор, – не допросить ли нам еще одно лицо, которое сидит внизу, в одной из камер?

– А почему бы и нет, – совершенно спокойно отозвался сыщик. – Когда же ты арестовал его?

– Да, приблизительно, через час после того, как сегодня вышел из дома, в котором были совершены убийства.

– А это, действительно он, Антонио де ла Вуэльта?

– И ты еще спрашиваешь? – с укором спросил инспектор полиции.

– Пока, я не имею веских доказательств, я не верю, даже самому себе.

– Покорнейше благодарю за любезность, – засмеялся Джордж. – Иными словами, это значит: "Как же после этого я могу верить тебе?!" Но, успокойся, Фома неверующий, это самый настоящий Антонио де ла Вуэльта.

– Он действительно помешанный?

– К сожалению, да, – вздохнул инспектор. – Он беснуется так, как мне редко приходилось видеть.

– Но почему же тогда ты вначале не соглашался с моими выводами? Или ты и в данном случае хотел мне по-приятельски надеть дурацкий колпак?

– Нет, – откровенно сознался Мак-Глусски. – В моих действиях я руководствовался афоризмом Вовенарга: "противо-

речия сглаживаются противоречиями".

– На нем еще было окровавленное платье?

– Было, – лаконично ответил инспектор.

– При каких условиях его схватили?

– Как тебе теперь известно, – начал Мак-Глусски, – за Антонио наблюдали. Я, впрочем, приказал только докладывать мне, куда он пойдет и что будет делать. Поэтому мой агент спокойно дал ему войти в дом и выйти оттуда, тем более, что в промежуток между приходом и уходом ничего подозрительного не наблюдалось. Затем...

– А этот агент, – перебил Ник своего друга, – видел уходившую прислугу?

– Конечно, но они его нисколько не интересовали. Надо тебе сказать, что наблюдение за Антонио я поручил одному из лучших агентов.

– Когда Антонио вышел из дому?

– Около трех часов утра.

– Твой агент заметил, что испанец оставил подъезд открытым?

– Нет. Ему было поручено наблюдать *исключительно* за Антонио, не обращая больше внимания ни на что.

– Как вел себя де ла Вуэльта на улице?

– Вначале он шел спокойно... Затем начал размахивать руками, но вскоре успокоился. Потом внезапно побежал, как могут бежать только помешанные. Этого бега мой агент никогда не забудет: он и теперь еще не пришел в себя. Таким

образом, они мчались до Йокера, откуда агент телефонировал мне о сумасшествии Антонио. Я приказал арестовать его и доставить сюда. Надо тебе сказать, что его костюм выглядел еще ужаснее, чем ванная комната.

– Могу себе представить. Ну-ка, Джордж, вели его привести сюда.

– Не лучше ли будет, если мы спустимся к нему? – заметил Мак-Глусски. – Я ведь вынужден был поместить его в изоляционную камеру.

* * *

Спустившись по лестнице и пройдя несколько коридоров, все трое остановились перед решеткой, заменявшей в изоляционной камере дверь.

Антонио сидел, забившись в угол и налитыми кровью глазами посматривал на стоявших перед ним людей. Платье несчастного было изодрано в клочки. Наконец, к нему, казалось, вернулось сознание: он подполз к решетке и надтреснувшим голосом заговорил:

– Дайте мне высказаться, пока сознание еще не покинуло меня. Я хорошо говорю по-английски? Вы меня понимаете? Я – испанец, Антонио де ла Вуэльта и до безумия любил Чеквиту Корацони, как мы звали ее еще с детства... Когда она вышла замуж за другого, я сошел с ума и с тех пор страдаю припадками помешательства. Меня поместили в боль-

ницу для умалишенных близ Парижа. Мое здоровье там поправилось настолько, что врачи решили выпустить меня... В это время меня навестил Рафаэль Корацони и воспоминания, нахлынув на меня, снова помутили мой разум. Я, однако, силою воли, взял себя в руки и сумел, таким образом, обмануть даже бдительность психиатров. Наконец, меня выпустили. Рафаэль предложил мне ехать с ним в Америку, причем сказал, что его сестра согласна выйти за меня замуж. Мы поехали на одном корабле и когда прибыли в Нью-Йорк, Рафаэль сказал, что должен подготовить сестру к моему визиту. Действительно, вскоре я получил от него письмо с приглашением. Я не знаю на какой именно день он пригласил меня – помню только час – половина десятого вечера. Кажется, это было вчера... Однако, я должен торопиться: безумие снова охватывает меня. Я пришел в назначенное время... Меня впустила девушка и сказала, что нужно подождать... Затем... затем... да... Рафаэль, спрятавшись за портьерой, поджидал меня, схватил за шею и начал душить... В руках у него был шприц с ядом... Во время борьбы, игла вонзилась ему в шею и он умер. Я побежал, чтобы отыскать Чеквиту и все объяснить ей... Труп Рафаэля я затащил в ванную комнату... Однако, Чеквита была мертва...

Больной провел рукою по лбу...

– Больше... Больше я ничего не помню... я... он... он!!!

Де ла Вуэльта, как разъяренный тигр, отскочил от решетки и закричал:

– Я разорву его! Разорву в клочки! Я... попадись он только! Разорву! Разорву!

По коридору пронесся дикий, нечеловеческий хохот: припадок возобновился.

Молча, поднялись наверх коронер, Мак-Глусски и сыщик.

Следователь первый нарушил тягостное молчание:

– Я ухожу, друзья, – тихо произнес он. – Мне необходимо приступить к вскрытию трупов. Да, много ужасного видел я за свою многолетнюю практику, но картины, которую мы наблюдали только что внизу, я никогда не забуду.

Он крепко пожал друзьям руки и вышел...

* * *

Нам остается досказать немногое.

Вскрытие трупа Адели показало, что яд, которым был наполнен шприц, был, действительно ядом змеи "la muerta de la alma"... Пятно на шее приняло размер доллара...

Несчастную испанку похоронили на кладбище Санкт-Тринити... Рядом с ней нашел вечный покой и ее преступный брат.

Антонио де ла Вуэльта вскоре впал в беспросветное помешательство: он перестал принимать пищу и питье и умер от истощения... Согласно его просьбе, высказанной в один из светлых промежутков, его похоронили рядом с Корацони.

* * *

Со времени описанного происшествия прошло немало лет. Над могилами действующих лиц кровавой трагедии выросла уже трава, но Картер и теперь еще не может без содрогания вспомнить о том, как, благодаря одному негодяю погибли три молодые жизни.